
УДК 82.0 (470.661)

ББК 83.3 (2= Чеч)

И 15

Ибрагимов Л. М.

Старший научный сотрудник АН Чеченской республики, соискатель кафедры литературы и журналистики Адыгейского государственного университета, e-mail: Lemibr@Lerma

«Свой/чужой» в русскоязычной чеченской литературе

(Рецензирована)

Аннотация:

Характеризуются «образ страны», «образ народа» как ключевые понятия рецепции и репрезентации своего мира и мира других в понятийном аппарате имагологии. После рассмотрения особенностей национального литературного процесса последних лет дается характеристика работы У. Лаудаева, чеченского просветителя 2-ой половины XIX века, «Чеченское племя», предназначенной для широкого круга русских читателей. Приводятся высказывания А.Шерипова, одним из первых соединившего традиции художественных культур европейских и чеченского народов, а затем дается конкретный анализ фрагментов его произведений в сопоставлении с текстами русских классиков, делаются выводы о том, что имагология как отрасль гуманитарного знания обладает потенциалом, отвечающим общим процессам глобализации.

Ключевые слова:

Образ страны, образ народа, рецепция, репрезентация, имагология, культурология, цивилизациология, геополитика, собственно гуманитарные дисциплины, междисциплинарный характер, фольклор, элитарная, «высокая», массовая культура, СМИ.

Ibragimov L.M.

Senior Scientist of the Academy of Sciences of the Chechen Republic, Competitor for Candidate degree of Literature and Journalism Department of Adyghe State University, e-mail: Lemibr@Lerma

«Somebody's /other's» in the Russian-language Chechen literature

Abstract:

The paper characterizes «the image of the country» and «the image of the people» as the key concepts of reception and representation of somebody's world and the world of others in the conceptual device of imagology. After consideration of features of recent national literary process the author gives the characteristic of work of U.Laudaev, the Chechen educator of the 2nd half of the 19th century, «The Chechen Tribe», intended for a wide range of Russian readers. This paper provides also the statements of A.Sheripov, who is one of the first who connected the tradition of artistic cultures of the European and Chechen people. The specific analysis of fragments of his works in comparison to texts of Russian classics is given. It is inferred that imagology as the branch of humanitarian knowledge possesses the potential corresponding to the general processes of globalization.

Keywords:

Image of the country, image of the people, reception, representation, imagology, cultural science, civilization science, geopolitics, actually humanitarian disciplines, interdisciplinary character, folklore, elite, «high», mass culture, mass-media.

При употреблении словосочетаний «образ страны», «образ народа» исследователь вступает в область научной дисциплины, которая изучает рецепцию и репрезентацию своего мира или мира других. В понятийном аппарате имагологии понятие «образ» имеет и широкое, обобщающее значение, и более узкое и конкретное, в качестве одного из механизмов и инструментов рецепции и репрезентации других/чужих. Имагология - молодая, но активно развивающаяся дисциплина, причем особенно бурно именно в современный период, когда место идеологии заняли культурология и цивилизациология, а процесс глобализации породил острую потребность понимания особенностей других/чужих и, соответственно, необходимость изучения того, как формируются их «образы». Существует целый спектр познавательных импульсов, породивших имагологию, - упоминавшиеся культурология, цивилизациология, геополитика, политология, наконец, собственно гуманитарные дисциплины. То есть имагология имеет междисциплинарный характер, соединяя фольклор, литературу, различные виды искусства, элитарную, «высокую» и массовую культуру, СМИ. Изучая данные этих источников в принципе, имагология устремлена к обобщению и выработке некой объединительной парадигмы рецепции и репрезентации других/чужих в пространстве своей и других культур [1: 3].

События последних лет, как в Чеченской Республике, так и во всей России и за ее пределами позволили по-новому взглянуть на многие явления национального литературного процесса. В данном аспекте немалый интерес вызывает художественная литература, созданная чеченскими писателями на русском языке.

Можно с уверенностью сказать, что 90 процентов культурной, научной информации и продукции Чечни создается на основе и посредством русского языка [2: 204].

В литературном процессе вопросы, связанные с языком, однозначно далеко не простые. Но ясно одно, нельзя не учитывать всего того, что достигнуто всем народом в области духовной культуры на каком бы языке (литература), какими бы красками и звуками (живопись и музыка), из какого материала (ваяние и зодчество), и где бы (в России ли, Турции, Сирии и т. д.) она не создавалась. Общеизвестно, что проблема литературного языка стоит не только перед малочисленными народами России. Даже у больших этносов Азии, Африки и Латинской Америки некоторые крупные писатели предпочитают писать на языке большего распространения.

Во многом это обусловлено необходимостью диалога между этносами, населяющими ту или иную страну. Обращение многих чеченских писателей-просветителей XIX века к возможностям русской литературной традиции, творческая практика современных писателей республики, реализуемая на русском языке, объясняются, в первую очередь, специфичностью адресатов: речь идет и о собственно чеченцах, и о других народах, населяющих евразийское пространство.

Так, фундаментальная работа Умалата Лаудаева, известного чеченского просветителя второй половины XIX века, «Чеченское племя» была предназначена для широкого круга русских читателей своего времени. В этот период царское правительство, упоенное победами над горцами в Кавказской войне, всячески пыталось идеологически обосновать и морально оправдать бесчеловеч-

ное обращение с мирным и беззащитным населением якобы прирожденной жестокостью и кровожадностью горцев. У. Лаудаев ставил перед собой цель – создать историко-этнографический очерк о чеченцах. И с этой задачей он справился блестяще. В книге «Чеченское племя» видна озабоченность автора судьбой своего народа, стремление дать верное представление о лучших сторонах его характера, тем самым рассеять неверное и предвзятое представление о своем народе. В предисловии к ней сказано «из чеченцев я первый пишу на русском языке о моей родине, еще так мало известной» [3: 75].

Здесь следует обратить внимание на факт одного из первых опытов создания репрезентации «своей» культуры для «другого/чужого» читателя с целью создания «образа Чечни», реализованном как в историческом, так и в общественно-психологическом контекстах. Среди факторов, влияющих на формирование имажологической картины мира, – практически все то, что определяет бытие, быт и историю. Это факторы природно-географические, климатические, цивилизационные, религиозно-конфессиональные, историко-культурные, уровень развития экономики, бытовая культура, обычаи, культура высокая, роль и место страны в мировой истории и т.п., причем восприятие той или иной страны может изменяться при возрастании или уменьшении ее роли при смене мировых геополитических конфигураций.

Традиции чеченских просветителей XIX века продолжили писатели нового столетия. Так, известный в Чечне герой гражданской войны Асланбек Шерипов был в числе первых, кто соединил традиции художественных культур европейских и чеченского народов. Его статьи и речи воссоздают убедительную картину разностороннего дарования и разносторонней деятельности этой незаурядной личности.

А. Шерипов хорошо понимал важ-

ность художественного слова как средства духовного пробуждения народа. В 1916 году в газете «Терек» он поместил ряд чеченских народных песен в переводе на русский язык. О том, какие герои песен привлекли его симпатии, автор говорит в предисловии к своей книге «Из чеченских песен»: «Власть терроризировала мирное население, а абреки терроризировали эту власть. И, конечно, народ смотрел на абреков как на борцов против притеснений и зверств власти. Вот этот характер политического протеста и борьбы с властью придавал абрекам в глазах народа ореол национальных героев, что в свою очередь отразилось в песнях» [4: 151].

В сборник «Из чеченских народных песен» вошли всего три песни: «Абрек Геха», «Юсуп – сын Мусь», «Асир-бек», которые претерпели значительные изменения при переводе на русский язык. В основе песни «Абрек Геха» история гибели известного в народе абрека Гехи. Чувствуя приближение *«красавицы-смерти... в последней страстной молитве Аллаху вылил всю свою душу и приготовился к последней абреческой игре – к веселой игре со смертью. И огнем зажег геройский Геха души людей, и огонь тот спалил и разметал всю гниль людских сердец... Ободренный женичиной, которая удесятирила силу Гехи, он бился с безграничной отвагой... Он играл своим смертельным ружьем последнюю лебединую песню абрека – песню о красивой смерти... И абрек Геха погиб красивой смертью, погиб победителем. Ибо победитель не тот, кто сражает врага, а тот, кто в жертву борьбе, на верную смерть без раздумья бросает душу и тело свое...»* [4: 156]. У.Б. Далгат писала: «Солидарность выдающейся личности с коллективом, составляющая в горских песнях об удальцах преимущество ее героического поведения, наглядно демонстрируется в чеченских песнях» [5: 397].

Дело в том, что в «Асир-абреке» Шерипова впервые в истории данного жанра чеченской литературы фиксируется герой,

абсолютно оторванный от нужд и чаяний народа, живущий лишь для себя, для удовлетворения собственных страстей. Традиционная идея песни-илли, утверждающая общенародную консолидацию, единение с народом, в переводе претерпевает заметное изменение. На первом плане идейный разлад между героем-одиночкой и серой толпой. Знакомая коллизия и знакомый герой из произведений Байрона (Чайльд Гарольд), Гете (Вертер), Пушкина (Алеко), Лермонтова (Печорин), Грибоедова (Чацкий), Горького (Лойко Зобар). Но если в европейской романтической литературе это гордый одиночка-аристократ, потерявший или не нашедший цели в жизни, то своеобразие и историческая достоверность идейного разлада чеченского героя-одиночки причинно обусловлены. Асир и европейский аристократ – дети разных культур и цивилизаций, разных уровней общественного сознания.

Разлад между толпой и Асиром произошёл из-за того, что герой не находит среди нее «непреклонных и смелых духом героев», похожих на него, готовых, как и он, *«бороться и умирать за свободу гор и людей Кавказа... На мятежные и свирепые горы Кавказа надел свои оковы свирепый победитель. Победитель накинул цепи рабства и на душу детей Кавказских гор; и из гордых, непреклонных и смелых духом героев они превратились в толпу забитых и жалких рабов: прекрасная мечта о красивой жизни – нежная и пугливая птица – отлетела от поруганных гор Кавказа. Поколение же рабов дает поколение еще худших рабов... После каждой смерти героя толпа рабов ликует; она рада тому, что избавилась от живого укора прошлой героической жизни...*

Но Кавказ не ликует, он грустит и свято хранит в гуле лесов, в реве потоков и в недрах своих гор дивные образы и песни о погибшей, прекрасной и могучей душе... И разносит потом пандурист по всему Кавказу песни о вольных людях. Рабы Кавказа слушают песни вни-

мательно, вспоминают рассказы стариков, грустью откликаются на зов далеко улетевшей мечты старины... а потом – потом мирно пахут поля свои, сменив шашку буйной свободы на плуг позорного рабства...» [4: 165-166].

Асир-абрек умер одиночкой. Таков был удел всех борцов-абреков за народное счастье. На наш взгляд, в песне тема любви – любви безответной – доминирует, о чем свидетельствует структура данного произведения. Поиск «опоры в себе» и цели в жизни привел его в «страну» по имени Нанта, которая покорила могучего джигита, но не полюбила... И честно призналась, что любит состоятельного в материальном плане Кагермана. Нанта, видимо, подспудно инстинктом женщины-матери почувствовала, что Асир не из тех, кто продолжает жизнь и заботится о потомстве. Таких, как Асир, ввиду высокого накала их страстей и душевных порывов, природа исключает из вечного цикла обновления и продолжения жизни на земле.

В отличие от Алеко Пушкина («Цыгане»), Лойко Зобара Горького («Макар Чудра»), Асир не убивает Нанту, а приводит в дом любимого ею человека. Врожденное благородство не позволило ему поступить иначе. И тут Асланбек остался верен лучшим вековым традициям своего народа. В художественной традиции народной песни-илли нет ни одного примера, когда из-за отвергнутой любви народный герой совершает насилие над девушкой. В заключительной части песни автор предельно обнажает этическую и психологическую суть своих героев. Услышала однажды Нанта, что Асир *«ворвался в казачью станицу и сложил там свою буйную голову...*

Услышала и низко опустила голову.

Частые и крупные слезы одна за другой падали на ее колени.

– Ты что? – спросил Кагерман.

Но на вопрос мужа и на тревожные взгляды детей Нанта ничего не ответила: она переживала что-то страшное, огром-

---

ное, плакала о чем-то навсегда ушедшем, о невозвратной мечте... [4: 165-166].

Национальное начало в русскоязычном творчестве чеченских просветителей и общественных деятелей выступает не только как тема, сюжет и предмет художественного отображения действительности, но и как взгляд художника на мир вещей, на события своего времени. Наряду с восхищением красотой кавказской природы и восторгом «безумством храбрых», их волновала и трагедия народа, потерявшего социальные и нравственные ориентиры после поражения в войне за независимость. Все это находило отражение в чеченской литературе, в которой формировался образ чеченца и образ Чечни и для «своих», и для «других, чужих». Этот феномен органично может быть рассмотрен в контексте уже упоминавшейся новой гуманитарной науки имагологии.

Каждая культура любого уровня развития по-своему воспринимает, воссоздает и закрепляет в памяти образы других/чужих, такие образы, которые характеризуют либо отдельные стороны, черты и свойства этих «других», либо в целом их «сущность», их идентичность, на фоне собственных представлений о норме и ценностях. В связи с этим следует заметить, что чеченские русскоязычные писатели служат двум культурам: чеченской и русской. Произведения, написанные ими на русском языке, так или иначе, отражают своеобразие художественного мыш-

ления чеченцев. Поэтика любого произведения чеченского русскоязычного писателя сродни поэтике одного из жанров устного народного творчества чеченцев, откуда автор черпает сюжет, идею, образы и нравственную проблематику.

Почти во всех русскоязычных произведениях (да и в произведениях на родном языке) чеченских писателей фольклор выступает не только как источник сюжетов. Художественная национальная традиция определяет не только проблематику, но и принцип развития сюжета (переводы чеченских песен А. Шерипова, роман «Когда познается дружба» С-Б. Арсанова, повести «Всполохи» З.Абдуллаева, «Иволга» З. Чумаковой, «Абрисы» Л. Куни, романы К. Ибрагимова и др.). Так, художественный мир романа К. Ибрагимова «Прошедшие войны» [6] строится как на традициях русской литературы, так и на образной структуре чеченского фольклора.

В свое время Н.А. Бердяев заметил, что подъем духа нации происходит в самые критические ситуации развития той или иной страны. С конца 1990-х гг. стало заметно стремление значительной части молодежи лучше узнать правдивую историю своей Родины. Одна из главных задач при этом – бороться с расколом общества, с накопившейся в нем нетерпимостью, которая проявляется буквально во всех сферах.

Примечания:

1. Земсков В.Б. Образ России «на переломе» времен (Теоретический аспект: рецепция и репрезентация «другой» культуры). М., 2006. URL: [http / www.nrgumis.ru](http://www.nrgumis.ru).
2. Овхадов М.Р. Социолингвистический анализ развития чеченско-русского двуязычия. Грозный, 2007. 204 с.
3. Лаудаев У. Чеченское племя // Чечня и чеченцы в материалах XIX века. Элиста: Санап, 1990. С. 74-104.
4. Шерипов А. Статьи и речи. Грозный, 1990. 182 с.
5. Туркаев Х.В. Исторические судьбы литератур чеченцев и ингушей. Грозный, 1970. 252 с.
6. Ибрагимов К. Прошедшие войны. М., 2005. 702 с.